

Посещение

Иван Петрович Смоленский, пожилой москвич, решил однажды посетить в больнице своего соседа, по коммуналке. Тот пребывал в заточении третью неделю и, должно быть, до смерти соскучился по человеческому лицу, по неспешному мужскому разговору.

Посещать этого соседа, которого звали старинным именем Евстигней Аверьянович, по годам ровесника Смоленскому, было некому. С женой он давно развелся. Разменял квартиру и тихо доживал остаток своей жизни. Взрослый сын с женой уехали за границу. Друзей не было. И постепенно отмерла та часть души, которой он присоединялся к другим людям. Ущерба от этого Евстигней не ощущал.

Но приходу соседа обрадовался.

Вскочил с кровати, засуетился, бросился в буфет за кипятком, достал из тумбочки начатую коробку конфет («сестрички день рождения отмечали» - сообщил скороговоркой), из холодильника - яблоки, и всячески старался показать, как он рад гостю. Иван осаживал его, боясь, что у того поднимется давление: - Сиди, хлопотун, я сам все сделаю. Но Аверьяныч не унимался:

- Ну как же! В кои-то веки живая душа пришла... Я тут на стену лезу от скуки!

- Да у вас же тут телевизор есть, интернет подключен, гуляй себе по паутине...

- Что я муха тебе - в паутине путаться? - усмехнулся сосед.- Я вот и не ждал тебя, а ты сам пришел. Почуял, значит, что нужен. Мне тут словом перекинуться не с кем. Вон тот и вот этот - он кивнул на две соседние койки - с утра до вечера в преферанс. Да еще и курят на лестнице. Приходят - перегаром табачным разит, прямо тошно мне.

- Ну, ты больной, понятное дело, - посочувствовал Иван.- А ты бы им ...

- Да говорил я, говорил, - досадливо встряхнулся Евстигней, никакого толку.

- Совести у людей нет.

- Уж это точно.

И придя к согласию, два соседа стали пить чай с конфетами и яблоками, неторопливо рассуждая о повседневной неправде жизни. И тот и другой давно отвыкли заботиться о ком-то и жили, как будто так и надо. Теперь же, когда одиночество сжало в ледяных объятиях одного из них, а другой топтался рядом, не зная, как помочь приятелю - оба задумались об одном и том же. Евстигнею предстояла сложная операция. Исход ее мог быть неоднозначен.

- Вот, прожил жизнь, а зачем жил - не знаю,- медленно проговорил больной.

- Ну как? - обескураженно взметнулся гость. Мы же трудились ради людей. Ты заводы строил, я машины проектировал. Сколько всего наработали!

- А кому это нужно? Все развалилось. Заводы стоят пустые. Машины гонят из Китая.

- Слышал, заводские здания под жилье приспособливают. Лофт называется.

- Разве это дело? Там, в заводском здании, дух другой. Там железо дышит, а человек там гость. Пришел, гайки покрутил, ушел. А жизнь у него - дома.

- Послушай,- сказанное задело Смоленского за живое. Ты что, на своей работе только гайки крутил? А душу в нее не вкладывал? Не маялся ночами, не срывался из отпуска, не ссорился с женой?

- Ну, жену ты не трогай. Она мученица - столько лет мой характер терпела...

- Да не вытерпела вот...

- Молчи!

Гость обиженно замолк. Евстигней всполошился:

- Ой, что это я? Прости, Бога ради, старого дурака. Меня как занесет - так удержу не знаю.

- Пора бы остепениться - проворчал собеседник. А насчет остального ты прав, конечно. Жили - жили, а что в итоге?

- А знаешь что - вскочил с места Смоленский. Я, кажется, понял. Мы не заводы строили. Мы строили себя.

- Для чего?

- А вот не может быть, чтобы жизнь кончилась. ТАМ наверняка у нее продолжение есть.

- Ну-у-у, это ты уже в мистику ударился - махнул рукой больной.

- В мистику?! Что мы, по-твоему, все тут чурки с глазами? Не понимаем ничего?

- Да ты и в церковь никогда не ходил,- старался гость урезонить спорщика.

- А теперь пойду! Мне это невозможно, чтобы жил-жил, и вдруг - в никуда. Я знать должен.

Они торопливо заговорили, перебивая один другого и стараясь не думать о глыбе тьмы, нависающей за плечами одного из них. «А надолго ли я переживу его, если что...» - думал Иван и гнал от себя эти мысли, но они снова возвращались.

- Ты мои снасти возьми, - словно подслушав, сказал Евстигней. Мало ли что...

- Да брось ты! - горячо возразил Иван. Они тебе самому понадобятся. Вот пройдет все - и на рыбалку поедем.

- Ну-ну, - проговорил сосед недоверчиво. Иван промолчал.

- Пойду я, - он поднялся с места. На будущей неделе загляну. Ты держись тут.

- Приходи. Обязательно, - больной умоляюще заглянул ему в глаза, и у Ивана защемило сердце. Он понял, что не оставит Евстигнея до самого конца, хоть это будет тяжело, мучительно и займет много времени.

«Может, и меня тогда кто-нибудь проводит?» - подумал он, одновременно боясь этой мысли.

Дома его никто не ждал. Смотреть телевизор не хотелось, есть и пить - тоже. Он сел к окну и долго смотрел в чернильно-синее ночное небо. Кто-то невидимый в это время говорил с ним, и он надеялся, что, в конце концов, поймет сказанное, и жить, хоть под конец, станет легче.

С этой надеждой Иван заснул. День посещения закончился.

Марина Васильева
Январь 2015